

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ОТРАСЛЬ ЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2011 г. В. А. Кольцова

*Доктор психологических наук, профессор, первый зам. директора Учреждения
Российской академии наук Института психологии РАН, Москва
e-mail: fotus@mail.ru*

В статье рассмотрены особенности предметной области исторической психологии как комплексной области знания, формирующейся в результате взаимодействия психологии с рядом социогуманитарных наук, раскрыта ее теоретическая “ниша” в системе современной психологической науки, обосновано практическое значение историко-психологических исследований в решении актуальных социально значимых проблем. Представлены основные направления эмпирических исследований в области исторической психологии, проведенных в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН.

Ключевые слова: историческая психология, историческая детерминация психологии личности, историогенез психики, гуманитаризация психологии, идиографический метод.

Предлагаемая для обсуждения проблема относится к области *исторической психологии* – комплексному направлению, формирующемуся на пересечении психологии с рядом гуманитарных отраслей знания – историей, этнологией, социологией, культурологией, источниковедением, политологией.

Зародившись в западной науке в качестве проблемной области в конце XIX в., историческая психология оформилась как особое направление психологии в первой половине XX столетия и приобрела интенсивное развитие в послевоенные годы¹.

¹ Она представлена целым рядом различных научных направлений: (1) психоаналитические концепции З. Фрейда, Э. Эриксона, Э. Фромма, В. Райха и др.; (2) современные направления психоистории (Де Мосс; Дж. Ландрем; А. Ноймайр; Р. Дилтс и др.), а также теории представителей гуманистической психологии А. Маслоу, Г. Олпорта и др., посвященные психобиографическому исследованию личности исторических деятелей прошлого; (3) концепции исторической этнографии Г. Спенсера, Э.Д. Тейлора, К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля и др., направленные на сравнительное исследование психологических характеристик представителей культур, находящихся на разных уровнях цивилизационного развития; (4) школа “Анналов”, созданная М. Блоком, Л. Февром и их последователями – Ж. Дюби, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффом, М. Ферро и др., в рамках которой разрабатываются принципы “критики источников” и источниковедческого анализа; (5) “психо-

Историческая психология изучает человека как объекта и субъекта истории, а также обусловленность структуры его сознания и поведения социо-исторической процессуальностью. Психологическое и историческое – две равноправные и неразрывно связанные друг с другом стороны историко-психологической рефлексии. Говоря об исторической психологии, мы имеем в виду межпредметное пространство, в котором пересекаются интересы “психологизирующей истории” и исторически ориентированной психологии.

На органическую связь истории и психологии указывает один из создателей исторической психологии В. Вундт: “Историческая и психологическая точки зрения не независимы. Ведь вообще психологическое исследование возможно лишь на основе фактов, доставляемых исторической наукой... Но и история, в свою очередь, может прийти к окончательному суждению о связи

логизирующая история” Л. Кавелина, Н.И. Надеждина, А. Лаппо-Данилевского и др.; (7) теория психологии народов В. Вундта; (8) работы отечественных ученых, исследовавших особенности русского менталитета (славянофилы, западники, народники, представители лингвистической школы А. Потемни, Г. Шпета, Д. Овсяннико-Куликовского и т.д.); (9) теория психолого-исторической реконструкции прошлого И. Мейерсона и представителей его школы; (10) концепции историогенеза психики П.П. Блонского, Л.С. Выготского, Б.Д. Поршнева, А.Р. Лурии, Ф. Кликса и др.

изучаемых ею процессов, лишь апеллируя каким-нибудь образом к их психологическим мотивам” [8, с. 1].

Такой же точки зрения в определении предмета истории (а, по сути, исторической психологии) придерживается один из ее основоположников М. Блок, отмечая, что это наука “о людях во времени”. «Историк, – пишет он, – не только размышляет о “человеческом”. Среда, в которой его мысль естественно движется, – это категория длительности... конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты... Это подлинное время – по природе своей некий континуум. Оно также непрестанное изменение. Из антитезы этих двух атрибутов возникают великие проблемы исторического исследования» [6, с. 18, 19]. Задача историко-научного познания, согласно М. Блоку и Л. Февру, состоит в том, чтобы воссоздать жизнь людей прошлого во всей ее полноте и сложности, проникнуть в их психический мир, увидеть и понять “живого человека” в его “плоти и крови”.

Созвучное этому определению исторической психологии дается В.А. Шкуратовым: “Историческая психология в широком значении слова – подход, помещающий психику и личность в связь времен” [22, с. 15].

Таким образом, историческая психология исследует психический мир человека в его обусловленности историческим временем; она изучает особый класс детерминант – *историческую детерминацию психики* индивидуального и коллективного субъекта; рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, объекта и субъекта исторического процесса. Ее предметом являются высшие этажи психики – социально-историческое сознание – та реальность, которая связывает человека с обществом, с человеческой цивилизацией, с историей в целом. Историческая психология раскрывает взаимообусловленность и связь истории развития человека и его психического мира с историей человечества; рассматривает, как человек вписывается в историю, творя ее и определяясь ею в своем психическом развитии.

Обсуждать проблемы исторической психологии одновременно и легко, и сложно. Легко – потому что историко-психологическая феноменология в имплицитном виде широко представлена в различных реалиях нашей повседневной жизни, в психическом мире современного человека, пронизывает любую осуществляемую нами историческую рефлексию. Сложность же их рас-

смотрения заключается в том, что мы все еще не располагаем необходимым инструментарием для достаточно полного и глубокого исследования этого богатейшего и пока еще в значительной мере закрытого для нас материала.

В связи с этим правомерен вывод об актуальности и практической значимости исторической психологии как научной дисциплины.

Теоретическое и практическое значение исторической психологии состоит, во-первых, в открываемой ею возможности выявления многих важных феноменов психической жизни человека в их генезисе, зарождении, что позволяет лучше понять зрелую стадию их развития. В историческом прошлом – истоки многих проблем, которые нас волнуют сегодня, явлений нашей общественной и индивидуальной жизнедеятельности. Психический мир наших предшественников продолжает свое существование в реалиях нашей жизни, представлен в культуре, обычаях, верованиях, в психике, исторической памяти, менталитете, стереотипах поведения современного человека. Согласно концепции К. Юнга, коллективное бессознательное включает в себя многовековой психологический опыт, накопленный многими поколениями наших предков. Обращаясь к исторической психологии, мы, таким образом, получаем возможность выявить корни, эксплицировать и исследовать те феномены психической жизни, которые несем в себе имплицитно и воспроизводим в разных обстоятельствах, часто не осознавая их природу и содержание.

«Объяснение более близкого более далеким... порой гипнотизирует исследователей. Этот идол племени историков можно было бы назвать “манией происхождения”», – писал М. Блок [6, с. 19]. При этом нельзя не учитывать тонко подмеченную ученым опасность недифференцированного использования понятия истоки и как “начала” интересующего нас современного явления, и как “причины”, достаточной для его объяснения (т.е. “смешения преемственной связи с объяснением”), вытекающего из обиходной трактовки этого слова. Подобную абберацию М. Блок называет “эмбриогенитическим наваждением” [6, с. 21, 20].

Совершенно очевидно, что знание “начал” явления, важное для выявления его генезиса, еще недостаточно для полного объяснения его современного состояния, ибо исторический феномен никогда не может быть понят вне его времени, накладывающего существенные коррективы на его содержание. Однако выявление истоков явления представляет большую научную ценность, давая исследователю важные ориентиры для углубле-

ния в изучаемую проблему, помогая определить направления научного поиска. Соотнесение истоков явления с формой его бытия в современной действительности позволяет воссоздать преемственные линии в его развитии, увидеть последствия и историческую динамику его преобразований в разных историко-культурных контекстах и, тем самым, косвенно выйти на выяснение причин его актуального состояния.

Во-вторых, историческая психология позволяет *использовать опыт прошлого*. Решая любую проблему, мы сознательно или бессознательно воспроизводим пришедшие к нам из прошлого нормы и формы деятельности, трансформируем применительно к новым условиям общечеловеческий опыт, являющийся важнейшим эволюционным ресурсом развития человека и общества. Осмысление и включение исторического опыта в реальное поведение и актуальную деятельность человека является естественным компонентом его бытия и существования как социального существа, субъекта культурно-исторического процесса. Историческая психология способствует превращению данного процесса в сознательно контролируемый и управляемый, тем самым существенно расширяя субъективно-личностное пространство человека, увеличивая его познавательные и преобразовательно-действенные потенциалы во взаимодействии с миром, научая правильным стратегиям решения жизненных проблем и ограждая от ошибочных и нерациональных. Х. Ортега-и-Гассет пишет: “Научимся, однако, извлекать из прошлого, если не позитивный, то хотя бы негативный опыт. Прошлое не надоумит, что делать, но подскажет, чего избегать” [16, с. 311].

В-третьих, практический смысл исторической психологии состоит в ее нацеленности на соотнесение любого исторического события с психологией его участников, максимально полный анализ психологической составляющей исторического процесса.

Известно, что любое историческое преобразование или инновация в жизни общества могут быть успешными только в том случае, если они базируются на учете особенностей психологии ее субъектов. И особенно очевидно это в свете нового понимания истории как “одушевленного процесса”. В настоящее время преодолевается долго бытовавшая в социальных науках недооценка психологического фактора в истории на фоне чрезмерного акцентирования роли объективной причинности общественного развития. Неправоммерно преувеличенное значение принципа эконо-

мического детерминизма, вытекающее из общего духа марксистского учения, приводило к тому, что человек встраивался в рамки экономической структуры общества, теряя свое уникальное место в истории как основной деятель, двигатель и создатель культуры.

В этом отношении представляет интерес критика марксизма, содержащаяся в работах известного русского мыслителя С.Н. Булгакова. Одну из главных особенностей и слабостей марксистской теории он видит в недостаточном внимании к конкретной, живой человеческой личности, “игнорировании проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории”. Согласно Булгакову, для марксизма “проблема индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального ее существа не существует. Маркс-мыслитель, невольно подчиняясь здесь Марксу-человеку, растворил индивидуальность в социологии... Для взоров Маркса люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто кроме этого мерного движения социологических элементов в истории больше ничего не происходит, и это упразднение проблемы и заботы о личности, чрезмерная абстрактность есть основная черта марксизма...” [7, с. 61, 62].

Необходимо отметить, что существует и иная трактовка данного аспекта марксизма, представленная, в частности, в работах последовательного сторонника этого учения Г.В. Плеханова. Предостерегая не в меру ретивых приверженцев экономического редукционизма в социологии, доказывая необоснованность обвинения марксизма в одностороннем экономическом детерминизме, он выступал против недооценки психологической составляющей общественно-исторического процесса. В своей знаменитой “пятичленке” Плеханов специально выделял общественную психологию в качестве самостоятельного компонента структуры общества, подчеркивал, что “психика общественного человека” детерминирует развитие разных сфер общественного сознания: “различные идеологии отражают в себе свойства этой психики”. Однако и последующая острая критика указанной позиции Г.В. Плеханова как, якобы, чрезмерно психологизирующей общественную структуру, и реальная история жизни нашего общества убеждают, что в теории и практике возобладали и на долгие годы утвердилось толкование марксизма, гипертрофирующее роль экономических механизмов и умаляющее место человека в обществе.

Пришло время по-новому оценить роль человека как главного субъекта, творца истории и с новых позиций решить вопрос о соотношении исторического и психологического факторов в историческом процессе. Необходимо четко осознать, что отношение человека к тем или иным историческим событиям определяет как меру его включенности в социальные процессы, так и степень его индивидуальных усилий, направляемых на их реализацию, а, значит, и сам ход общественного развития. Это должно стать важнейшим нормативом в области практической деятельности, каких бы сторон общественной жизни она не касалась.

В-четвертых, особую роль историко-психологическое знание приобретает в переломные периоды истории: когда люди “начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали” [6, с. 7].

Как утверждает известный русский философ Н.А. Бердяев, “исторические катастрофы и переломы, которые достигают особой остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс...” [5, с. 4].

Рассматривая сущность понятий “историческое”, “историзм”, он пишет: «Для понимания “исторического”, для того, чтобы мысль была обращена и к восприятию “исторического”, и к его осмысливанию, необходимо пройти через некое раздвоение. В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся, вполне осевшей эпохе, не возникают, с надлежащей остротой, вопросы философии, вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию, построению философии истории. Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании, для того, чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта, нужно, чтобы наступила рефлексия, для того, чтобы началось историческое познание...» [там же, с. 5].

Именно в переломные периоды обостряется интерес к проблеме роли и места человека в истории. Не случайно первым мощным стимулом к научной постановке проблем взаимоотношения психического и исторического стали события Великой французской революции, потрясшие их современников. Вторым важным толчком, обусло-

вившим оформление исторической психологии как самостоятельной области научного знания, стала Вторая мировая война.

Россия в настоящее время как раз находится на перепутье, в зоне “исторических бифуркаций”. Направление ее будущего развития во многом зависит от того, какие уроки мы сумеем извлечь из своего исторического прошлого, насколько точно оценим свои достижения и просчеты, традиционно существующие в обществе мировоззренческие установки и умонастроения.

Многие трудности, переживаемые Россией сегодня, на наш взгляд, обусловлены недостаточным учетом особенностей менталитета народа, его отношения к тем историческим инновациям, которые вводятся в жизнь страны. Используемые нашими реформаторами социально-экономические модели, переносимые из других культур, порой не отвечают интересам основной части российских граждан, а главное – духовному опыту нашего народа, его многовековым традициям, и в силу этого с трудом укореняются, не приводя к позитивному эффекту.

Изучая человека в контексте истории, которая представляет собой постоянно развивающийся и изменяющийся процесс, историческая психология имеет дело с динамичными аспектами психического мира человека. Она изучает историогенез психики, ее развитие и преобразование на разных этапах истории, тем самым представляя собой область генетической психологии.

Теоретическое значение исторической психологии определяется также спецификой ее объекта. Им могут быть личность, общество, массовидные явления, рассматриваемые в непосредственной связи с определенным историческим контекстом, в их исторической обусловленности, часто удаленные от нас, скрытые за толщей веков. Исследование психологических феноменов в контексте истории расширяет границы психологического познания, вводя в него макроуровневые факторы и условия, а также позволяет осуществить диалог прошлого и настоящего. Как отмечал Л. Февр, историко-психологическое исследование ориентировано на разговор с мертвыми от имени живых и во имя живых.

Особенность исторической психологии состоит в том, что она априорно предполагает в качестве своего объекта и исследует реального целостного человека, тем самым, осуществляя принцип целостного подхода в психологии.

Наконец, в русле исторической психологии открываются широкие возможности для выяв-

ния человека в субъектной ипостаси: как активного, действующего существа, воплощающего и объективирующего свои психические свойства в продуктах деятельности и изучаемого по результатам этих “деяний”. Следует отметить, что субъектно-деятельностный подход, развиваемый в работах С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой, в настоящее время определяется как одно из перспективных направлений развития психологической науки.

Особенность исторической психологии – в ее междисциплинарном статусе: исследование человека в истории с необходимостью предопределяет взаимодействие психолога с социологами, культурологами, историками, использование данных и методов источниковедения. Таким образом делаются важные шаги к организации междисциплинарных исследований, развитию комплексного подхода в психологии, реализации выдвинутой Б.Г. Ананьевым программы формирования комплексного человекознания.

Развитие исторической психологии отражает еще одну новую тенденцию в развитии психологии – ее гуманитаризацию, выражающуюся в стремлении к более полному освоению и использованию ею идиографических подходов и методов. Отечественная психология послереволюционного периода в течение долгих лет развивалась в сугубо естественно-научном духе. Гуманитарный подход в ней был представлен до последнего времени крайне незначительно. Историческая психология может восполнить данный пробел. С одной стороны, имея в качестве своего объекта, как правило, конкретные и единичные явления, историческая психология относится к области идиографического знания, с другой стороны, стремясь строго научно исследовать рассматриваемые проблемы, она базируется на принципах естественно-научного анализа. В русле исторической психологии осуществляется синтез естественно-научных и гуманистических подходов в психологическом познании человека, что представляется чрезвычайно перспективным и соответствующим главным тенденциям современного развития научного знания.

Все сказанное позволяет констатировать теоретическую и практическую значимость, эвристические и прогностические возможности исторической психологии. Вместе с тем в нашей стране она все еще не получила достаточного развития. По сути, сегодня проблемы исторической психологии в теоретическом плане исследуются в работах В.А. Шкуратова, Е.Ю. Бобровой, Е.Б. Старовойтенко, рассматриваются рядом авторов

(А.Г. Асмолов; Е.Е. Соколова и др.) в контексте культурно-исторического подхода.

Именно этим обусловлено обращение лаборатории истории психологии ИП РАН к разработке проблем исторической психологии. Нами была сделана попытка не только осмыслить теоретико-методологические основы этого направления и разработать процедуру психолого-исторической реконструкции различных психологических феноменов прошлого и современной реальности, но и *осуществить на основе единой программы серию конкретных эмпирических исследований* по ряду актуальных, теоретически и практически значимых проблем исторической психологии [10–15].

Последнее представляется особенно важным, ибо слабость эмпирического уровня исследований – одна из существенных причин, затрудняющих оформление исторической психологии в качестве особой отрасли в системе отечественной психологической науки.

Предметом изучения в работах, проведенных сотрудниками и аспирантами лаборатории, выступили *четыре блока проблем*.

Первый из них касается *становления личности в структуре психики человека на ранних этапах истории*. В работе А.Д. Барской предметом изучения выступил первый письменный памятник европейской культуры, датированный VIII веком до н.э. – поэмы Гомера [3]. Ставилась задача на основе текстологического анализа выделить отраженные в них психологические характеристики человека того времени. Соответственно, анализировалось не то, *о чем* говорили герои, а то, *как* они говорили – их способность логически излагать свои взгляды, доказывать, выделять причинно-следственные связи; система используемых ими оценок событий и их объяснение; умение анализировать и обобщать; наличие рефлексии; способы саморегуляции, т.е. предметом исследования выступало выявление *особенностей психических функций* гомеровского человека.

Результаты исследования подтвердили высказанную К. Ясперсом гипотезу о наличии “осевого времени”, характеризующегося переходом от архаического человека к рациональному; формировании в этот период структуры психики, характерной для современного человека; зарождении личностного начала, проявляющегося в попытке индивида отделить себя от окружающего мира, развитии у него абстрактно-логического мышления, возникновении способности к рефлексии и

саморегуляции, оценке своих действий и поступков [3; 10; 13].

Предметное поле исторической психологии не исчерпывается изучением только историогенеза психики человека, оно включает также исследование последующей эволюции разных сторон его психического мира на различных этапах исторического развития, в контексте разных культур.

Второй блок исследований посвящен **реконструкции типов личности и менталитета народа удаленных исторических периодов.**

Так, на большом эмпирическом материале И.Р. Федорковой была проведена реконструкция психологических характеристик русского купечества начала XX в. [14; 19]. *Предметом* исследования выступал *коллективный субъект* – Московское купеческое общество (МКО) как особая социально-психологическая общность, личностные характеристики и особенности торгово-промышленной, общественной и благотворительной деятельности его представителей. Анализ психобиографических документов 70 членов Общества на основе материалов фонда, хранящегося в центральном архиве Москвы², позволил воссоздать типичный для русского купечества стиль предпринимательской деятельности. Он состоял в ее направленности, в первую очередь, на развитие отечественного производства и решение задач общественно-значимого характера; на создание высококачественной и оригинальной продукции; в ориентации на использование собственных российских ресурсов (людских и материальных), а также на улучшение условий жизни и повышение образовательного и жизненного уровня работников. Каждое из этих положений было документально подтверждено, в частности, анализом материалов промышленно-торговых выставок, проводившихся в Нижнем Новгороде и Москве.

Установлено, что, наряду с торгово-промышленной, приоритетной сферой предпринимательской активности являлась благотворительная

деятельность, нацеленная на осуществление социальной поддержки нуждающихся слоев населения. В.П. Рябушинский писал, что “с конца XIX в. главное соперничество между именитыми родами пошло в том, кто больше для народа делает” [17, с. 14].

Были реконструированы *виды мотивации благотворительной деятельности купечества:*

Во-первых, *благотворительность как выполнение долга.* При этом чувство долга мотивировалось как извне, так и изнутри. Согласно нормативам МКО, каждый купец был *обязан* выделять средства на “общественные складки”, часть которых шла на благотворительность. Внутренняя мотивация чувства долга была связана с особенностями существовавшего на Руси общинного стиля жизни с его принципами: “Каждый отвечает за всех”, “Если у меня много, я должен помочь тем, у кого мало”, «Я должен быть “как все”».

Во-вторых, *стремление укрепить собственный статус в социальной структуре общества,* уравниваться в правах и привилегиях с дворянством, преодолеть презрительное и снисходительно-ироничное отношение к себе со стороны “образованной” части общества. Особенно остро эти настроения проявились у купцов 2-го и 3-го поколений, которые начинают вкладывать деньги в развитие науки, искусства и образования, становятся покровителями учебных учреждений, поддерживают живописцев и поэтов, актеров и писателей.

В-третьих, *потребность в признании и принятии купеческим сообществом,* стремление быть “не хуже других”. Купец, жертвуя свои средства и выполняя, тем самым, одну из норм купеческого сообщества, желал ощутить себя защищенным сословной “стеной”, обрести уважение со стороны представителей своего сословия и чувство собственного достоинства.

В-четвертых, *религиозный мотив* – стремление избежать “наказания за грех” – богатство – и обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Данный мотив, будучи осознанным или неосознанным, был связан с глубокой религиозностью русского народа. Н.А. Бердяев говорил, что “русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешным” [5]. Марина Цветаева, отец которой вместе с предпринимателем Ю.С. Нечаевым-Мальцевым создавал Музей Изыщных искусств в Москве, отмечала, что одной из причин благотворительности в среде предпринимателей было “спасение души,

² Изучены фонды № 2, 3, 397 (всего 18 925 единиц хранения). Среди них – журналы заседаний Купеческой управы, разнообразные книги для записи купцов, частные заявления, прошения, ходатайства и письма купцов, направленные ими в разные инстанции, и др. Один из основных источников при изучении общественно-благотворительной деятельности московских купцов – формулярные списки, содержащие разносторонние сведения биографического характера (70 персоналий). Особенности торгово-промышленной деятельности отечественных предпринимателей XIX в. рассматривались по материалам Промышленно-Художественных Выставок, состоявшихся в 1882 г. в Москве и в 1896 г. в Нижнем Новгороде.

так как осознание неправды денег в русской душе невытравимо” [цит. по: 9, с. 45]³.

Наконец, высшая потребность – в *самореализации* – возникавшая у лучших представителей купечества, заставляла не только выделять денежные средства на благотворительные мероприятия, но и принимать в них активное личное участие, развивая свои собственные способности (музыкальные, артистические, художественные)⁴.

Московское купечество связывало перспективы своей собственной жизни с развитием общества. Заботясь о процветании национальной культуры, оно думало о своем завтрашнем дне, полагая, что только “духовно здоровое” государство могло гарантировать безопасность и процветание предпринимательства⁵.

Таким образом, деятельность русского купечества представляет собой модель продуктивного, направленного на интересы общества бизнеса. Она опровергает сложившееся представление о якобы неизбежно жестоких формах процесса первоначального накопления капитала и показывает возможность его осуществления в цивилизованных формах, свидетельствует о важности соответствующей мотивации как необходимой компоненты формирования профессиональной культуры предпринимательства, его социальной ориентированности.

Третий блок исследований направлен на *выявление динамики и трансформации ряда личностных и социально-психологических характеристик под влиянием переломных периодов в истории.*

В частности, в работе Л.В. Спициной предметом исследования выступили новые формы общения

³ Архивные документы свидетельствуют о том, что на средства московского купечества строились православные храмы не только в других городах Российской империи (Самаре, Нижнем Новгороде, Каменец-Подольске, Киеве, Пятигорске и др.), но и за рубежом – в Японии, Франции, Египте (Ф. 2. Оп. 1).

⁴ Примером этому может служить деятельность С.И. Мамонтова, который, создав Частный Оперный театр в Москве, сам пел в нем главные партии, учился оперному пению в Италии, играл в драматическом театре (в частности, в спектакле А.Н. Островского “Гроза”), писал для него пьесы, занимался скульптурой, ремеслами. Кружок Мамонтова символизирует единение науки, искусства и бизнеса (см. Арензон, 1995).

⁵ В будущее были устремлены помыслы 26-летнего В.П. Рябушинского, снарядившего научную экспедицию на Камчатку и завещавшего после своей смерти довести начатое дело до конца своим братьям. Тем же руководствовался 28-летний купец П.М. Третьяков, завещавший братьям в случае своей смерти создать национальную галерею по составленному им плану.

и межличностных отношений людей, складывающиеся в России в послереволюционный период (в 20-е г. прошлого столетия) [18]. Важным направлением идеологической работы пролетарской партии в это время становится разрушение в российском обществе старых норм общения, основанных на вековых традициях и христианских моральных предписаниях, и введение в жизнь новых форм взаимодействия людей, базирующихся на принципах классового подхода. Процесс становления межличностного общения на основе новой пролетарской системы ценностей среди своих исходных положений имел неправомерно обедненные, “поляризованные” нравственно-психологические нормы, являющиеся следствием такого подхода. Любой человек, выступающий в качестве партнера по общению, будь то отец, сын или муж, воспринимался и оценивался с позиций его классовой принадлежности. Соответствующим образом строилось и взаимодействие с ним. Это приводило к возникновению системы стереотипных отношений к людям, согласно которой оправданы и допустимы хорошие отношения только со “своими”, т.е. с людьми, “ценными в классовом отношении”. Представителям своего класса приписывали порой не существующие у них положительные свойства. Противоположные отношение и поведение необходимо было проявлять к личностям из “чуждых классов”, в какой бы степени родства они не состояла с субъектом. Возникающая на основе классового подхода дихотомия отношений к человеку как “своему” или “чужому” и его оценка по “черно-белому” принципу вела к схематизации и упрощению социальной действительности, формированию обедненного, поляризованного стереотипизированного типа общения. Следствием этого становилось разделение людей с точки зрения их групповой, классовой, принадлежности; закрытость общения и многочисленные барьеры во взаимодействии. Формировалось принципиально новое отношение к женщине и ее общественной роли как соратнику по борьбе, происходил отказ от рыцарского отношения к ней, принятого в русской культуре и т.д.

Однако данной тенденции противостояла сила традиции, направленная на сохранение и воспроизведение сложившихся, устойчивых компонентов социальных отношений. И сила традиции в дальнейшем победила нововведения революционных лет [10; 13; 18].

Представляет интерес также исследование причин роста агрессивности подростков в послереволюционный период, выполненное Е.В. Харионовой на материале 20-х г. прошлого столетия

с использованием “Моральной статистики” Гервера [20]. Установлено, что, наряду с материальным неблагополучием семей, безработицей родителей, пагубным влиянием кинематографа, в качестве основного фактора выступало состояние *аномии*, или отсутствие морально-ценностных регуляторов поведения, существовавшее в обществе переходного периода. Старые, традиционные регуляторы, опирающиеся на христианские нормы морали, оказались отвергнутыми; новые же еще не были сформулированы. А поскольку у подростков отсутствует сложившаяся система ценностей, они особенно нуждаются в четко обозначенных моральных нормах, определяющих границы дозволенного и недопустимого в их действиях и поступках. Поэтому в состоянии аномии они неизбежно попадают в зону риска, демонстрируя, как показывает статистика, самый высокий процент правонарушений.

Аналогичные данные, свидетельствующие об опережающем другие виды правонарушений росте подростковой преступности, получены Е.В. Харитоновой при изучении данной проблемы на современном материале. Исследование, проведенное в детских приемниках, показало, что для их контингента характерна деформированная система ценностей. Новым негативным фактором, оказывающим деструктивное воздействие на личностное развитие современных подростков, является телевидение с его агрессивным зарядом, утверждением культа наживы, жестокости, сексуальной свободы. Таким образом, выявлены *типичные* для переломных периодов истории *исторические детерминанты агрессивного поведения* подростков [11; 13; 20].

Перспективы исследования психологических феноменов переломных периодов в истории связаны с изучением особенностей проявления, наряду с агрессией, других психологических характеристик как личности, так и различных социальных групп общества. Это открывает возможности для исследования реальной динамики социально-психологических явлений в их конкретно исторической обусловленности.

Наконец, *четвертым* блоком изучавшихся проблем являлась специфика *межпоколенческих отношений в современной России* [15; 21].

Характер межпоколенческого взаимодействия определяет содержание и уровень влияния старшего поколения на молодежь, ее социализацию и инкультурацию. Степень сходства нормативно-ценностных систем разных поколенческих групп выступает в качестве референтного показателя стабильности и социально-психологического

единства общества. Основная *задача* исследования, выполненного под нашим руководством Т. Хоанг, состояла в сравнительном изучении особенностей межпоколенческих отношений в современных российском и вьетнамском обществах и соотнесении их с традиционными для рассматриваемых культур формами взаимодействия представителей разных поколений [21]. Таким образом, исследовалась специфика межпоколенческих отношений *в их обусловленности особенностями социально-культурных систем и историческими преобразованиями в современном российском и вьетнамском обществах.*

Объектом исследования выступили российские и вьетнамские студенты (62 и 50 человек соответственно) в возрасте от 20 до 24 лет. Опосредованно – через оценку респондентов – исследовались социально-психологические характеристики еще двух групп возрастных когорт: родители респондентов (45–55 лет) и их прауродители 1920-х гг. рождения.

Предмет исследования – представления российской и вьетнамской молодежи о степени сходства их собственных ценностно-смысловых систем с ценностями и смыслами жизни их родителей и прауродителей, о роли старших поколений в их личностном и профессиональном самоопределении.

Исходным моментом в раскрытии психологической природы понятия “поколение” выступает утвердившийся в российской психологии подход, согласно которому формирование и развитие личности определено совокупностью условий социального существования *в определенный исторический период*. Личность рассматривается как объект и субъект общественного развития, и в этом смысле она, по словам Б.Г. Ананьева, всегда “*конкретно-исторична*”. Поколение определяется им как общность сверстников, “с которыми данная личность вместе формировалась в одно и то же историческое время, была свидетелем и участником одних и тех же событий и т.д.”. В итоге, по его словам, складываются “типичные характеры эпохи” [1, с. 76].

К. Мангейм считает поколение частью ограниченного исторического периода времени, и из этого выводит такой важнейший дифференцирующий разные поколения признак, как различия в их жизненном опыте.

Важность категории “поколение” и поколенческого метода побудила испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета положить именно его в основу периодизации исторического развития [16].

Поколение рассматривается им как основное понятие истории, а борьба поколений, приводящая к смене форм политического правления – как реальный мотив и источник социального развития.

Таким образом, общество на определенной исторической стадии развития с характерным для него образом и обстоятельствами жизни задает “социальную ситуацию развития личности”. Соответственно, единые условия жизни, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность и личностное формирование представителей определенной возрастной когорты, обеспечивают общие механизмы их социализации, что, в свою очередь, приводит к возникновению сходного социально-исторического опыта поколения, идентичной системы ценностей, социальных представлений и смысложизненных ориентаций. По образному выражению М. Блока, “люди больше походят на свое время, чем на своих отцов” [6, с. 65]. Далее он отмечал: “Люди, родившиеся в одной социальной среде и примерно в одни годы, неизбежно подвергаются, особенно в период своего формирования, аналогичным влияниям. Опыт показывает, что их поведению, сравнительно с намного старшими или младшими возрастными группами, обычно свойственны очень четкие характерные черты. ... Этот общий отпечаток, порожденный возрастной общностью, образует поколение” [там же, с. 104–105]

Необходимо учитывать, что личностное формирование современной молодежи осуществлялось в условиях переходного времени, что не может не отразиться на характере ее взаимодействия со старшими поколениями.

Результаты реконструкции традиционных для вьетнамской и российской культур межпоколенческих отношений показали, что вплоть до конца XX в. они строились по “*постфигуративному*” типу, что характерно для общественных структур коллективистического типа. Их особенностью является: *непосредственная передача опыта от старших поколений к младшим*; авторитет старших; жесткий социальный контроль с их стороны над “младшими”; сохранение в течение всей жизни тесных контактов между разными возрастными группами; сходство их базовых ценностей и мировоззренческих позиций.

Сравнительный анализ эмпирических данных, полученных на вьетнамской и российской выборках, свидетельствует о более тесной духовно-психологической близости разных поколенческих групп в современном вьетнамском обществе. Выявилась глубокая информированность вьетнамских студентов о смыслах жизни их родителей

и прародителей, а также их близость с собственными смыслами жизни респондентов. В отличие от этого, у российских студентов обнаружена недостаточная информированность о смыслах жизни их родителей и прародителей и существенные отличия в формулировке родительских и собственных смыслов жизни.

Выявлена значительно более высокая близость ценностей молодежи и родителей у вьетнамских респондентов, что выражается в большем числе корреляционных связей и значительно большем количестве случаев абсолютного совпадения в системе их ценностей. Это свидетельствует о “резонантном” характере межпоколенческих отношений во вьетнамском обществе, отличающемся наличием у их участников сходных нормативно-ценностных систем, подлинной аффилиации и душевного единства. В российской выборке выявлено меньшее общее число корреляционных связей между ценностями респондентов и выделяемыми ими ценностями их родителей, в том числе, значительно меньшая представленность в их общем массиве числа положительных корреляционных связей, т.е. меньшее ценностное единство.

Исследование соотношения ценностей в родительских парах обнаружило преобладание положительных связей в ценностях отца и матери в современной вьетнамской культуре, в два раза превышающих аналогичный показатель в российской выборке. Это позволяет сделать вывод о том, что наличие ценностного единства родителей во вьетнамских семьях является важным фактором воздействия на ценности молодого поколения. Меньшая выраженность этого показателя в российской выборке говорит о недостаточности использования данного потенциала влияния на формирование ценностей молодого поколения в современном российском обществе.

Во вьетнамской выборке большее число испытуемых связывает своих родителей, прародителей и родственников с наиболее важными событиями в своей жизни, включая их в круг “значимых других” – людей, оказывающих наиболее серьезное и сильное влияние на их жизненный путь. Это свидетельствует о том, что межпоколенческое взаимодействие в современном вьетнамском обществе строится по “*постконфигуративному*” типу, характерному для традиционных обществ. В отличие от этого, в российской выборке в структуре “значимых других” в ряде аспектов влияния на жизнь, ценности и взгляды испытуемых роль родителей замещают друзья, коллеги, члены своей собственной семьи (мужья, жены), учителя и

преподаватели, а также политики и бизнесмены. Это является показателем перехода от “*постконфигуративного*” к “*конфигуративному*” типу межпоколенческого взаимодействия, для которого характерно уменьшение веса непосредственного влияния родителей на формирование социального опыта детей, уравнивание роли вертикальных и горизонтальных структур взаимодействия как факторов социализации личности.

Выявлены различия в ролевом “профиле” родителей в восприятии вьетнамских и российских испытуемых. Показано, что во вьетнамской семье сохраняется главенство отца, оцениваемого испытуемыми в качестве основного стратегического партнера, помогающего им в решении наиболее важных жизненных проблем. Мать выступает наиболее предпочитаемым партнером в сфере эмоционально-личностного общения и решении проблем семейно-бытового характера.

В российской выборке матери отдается предпочтение в качестве основного источника жизненных ориентаций российской молодежи, помощи и поддержки при принятии всех жизненно важных решений; она оказывает наибольшее влияние на формирование профессиональных интересов респондентов; с ее мнением, прежде всего, корреспондируют их взгляды. Это свидетельствует о становлении в современной России семьи *эгалитарного типа*, в которой исчезает жесткое ролевое распределение функций, утрачивается традиционно главенствующая позиция мужчины.

Обнаружены существенные различия в роли и месте прародителей и их воспитательном потенциале в сравниваемых культурах. Во вьетнамской выборке студенты высоко оценивают роль прародителей в их жизни, осведомлены об их смыслах жизни, ориентируются на их мнения в решении жизненно важных вопросов. В российской выборке их роль и вес значительно ниже. Таким образом, потенциал межпоколенческого воспитательного воздействия в российской культуре значительно ниже, чем во вьетнамской, и ограничивается одним межпоколенческим уровнем: “родители–дети”.

Сравнительно с вьетнамской выборкой выявлено значительно более *сильное проявление самостоятельности, независимости российской молодежи* в области своего профессионального самоопределения, выбора основных целей и ценностей, решении жизненно важных проблем. Значительная часть респондентов при определении источников своего развития демонстрирует ориентацию на собственные цели, интересы и

перспективы. Это говорит о том, что в межпоколенческом взаимодействии в современном российском обществе обнаруживается возникновение тенденций социализации “*префигуративного*” типа, согласно которой, доминирующей установкой нового поколения становится ориентация на будущее.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что межпоколенческое взаимодействие в современной России характеризуется “асинхронностью”, утратой единых оснований для взаимодействия разных поколенческих групп, что является, по-видимому, результатом социально-политических инноваций последних десятилетий. Это – тревожный симптом, свидетельствующий об ослаблении роли и влияния семейных традиций, характерных в прошлом для русской культуры. Нельзя не согласиться с мнением А.В. Толстых, что асинхронность поколений представляет собой общественно опасное явление, препятствующее консолидации общества, наносящее урон его эмоциональному климату.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о теоретической и практической важности исторической психологии, раскрывающей особый вид детерминации психики человека и социальных групп – *историческую*, что определяет место и роль данной отрасли в системе психологического знания. Перспективы дальнейшего развития исторической психологии связаны с последовательным углублением ее методологической рефлексии, укреплением междисциплинарного сотрудничества с родственными областями знания, разработкой методических подходов к изучению ментальных явлений прошлого и расширением эмпирического базиса историко-психологического знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания // Памятники психологической мысли. М., 2000.
2. *Арензон Е.Р.* Савва Мамонтов. М., 1995.
3. *Барская А.Д.* Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
5. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
6. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
7. *Булгаков С.Н.* Карл Маркс как религиозный тип // С.Н. Булгаков. Героизм и подвижничество. М., 1992.

8. Вундт В. Миф и религия. М., 1910.
9. Гавлин М. Российские медики. Портреты предпринимателей. М., 1996.
10. Кольцова В.А. Историческая психология // Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2001. С. 507–524.
11. Кольцова В.А. Особенности проблемной области исторической психологии // Историческая психология. М., 2004а.
12. Кольцова В.А. Процедура реконструкции психологического знания в контексте взаимодействия культур // Историческая психология. М., 2004б.
13. Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
14. Кольцова В.А., Федоркова И.Р. Социально-психологический портрет московского купечества конца XIX – начала XX веков // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
15. Кольцова В.А., Хоанг Т. Поколенческий подход в психологии // История психологии в Беларуси. Материалы научной конференции. Минск, 2003. С. 86–99.
16. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
17. Рябушинский В.П. Купечество московское // А.Д. Кузьмичева, И.Н. Шапкина. Отечественное предпринимательство. М., 1995.
18. Спицина Л.В. Историко-психологическая реконструкция становления форм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период (10–20-е годы XX столетия): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
19. Федоркова И.Р. Психолого-историческая реконструкция Московского Купеческого Общества как субъекта предпринимательской активности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
20. Харитоновна Е.В. Психолого-историческая реконструкция детерминант агрессивного поведения на материалах России 20-х и 90-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.
21. Хоанг Т.Х. Особенности межпоколенческого взаимодействия в современных российском и вьетнамском обществах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
22. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.

HISTORICAL PSYCHOLOGY AS INTEGRATED FIELD OF KNOWLEDGE: THEORETICAL AND EMPIRICAL ANALYSIS

V. A. Kol'tsova

Sc.D. (psychology), professor, first deputy director, the Establishment of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology RAS, Moscow

Peculiarities of subject area of historical psychology as integrated field of knowledge developing as the result of interaction of psychology with a number of socio-humanitarian sciences are considered in the article; its theoretical “niche” in the system of present-day psychological science is revealed; practical importance of historical-psychological researches for actual social-significant problems solving is based in the article. Main areas of empirical researches in the sphere of historical psychology, conducted in the laboratory of history of psychology and historical psychology of Institute of Psychology RAS are presented.

Key words: historical psychology, historical determination of psychology of personality, historygenesis of psychic, humanization of psychology, idiographic method.